

⁸ Гл.: Отчет Народного Комиссариата Земледелия БССР за 1926/27 хозяйственный год. Минск, 1928. С. 252; Белсельсаюз: Справоздача за 1927/28 аперацийны год. Минск, 1929. С. 10.

⁹ Гл.: Матэрыялы да справоздачы Менскага акруговага выканаўчага камітэта. Минск, 1929. С. 41.

¹⁰ Гл.: Агеяў Л. Жывёлагадоўля і перспектывы яе развіцця ў калгасах БССР // Сельская і лясная гаспадарка. 1928. № 3—4. С. 29, 30; Белсельсаюз: Справоздача за 1927/28 аперацийны год. С. 10.

¹¹ Гл.: Кудзіна ў С. Жыццё і праца камуны «Звезда». Минск, 1929. С. 21.

¹² Гл.: Кудзіна ў С. Камуна імя Карла Лібкнехта. Минск, 1930. С. 55—56.

¹³ Гл.: Калгасы БССР. Менск, 1929. С. 22.

¹⁴ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 300.

¹⁵ Гл.: Народное хозяйство Белоруссии. 1989. № 4. С. 14.

Г. И. ИЛЬЯЦУК

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СОЮЗНОГО БЮРО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ-МЕНШЕВИКОВ»

В публикациях последнего времени¹ обоснованно отмечаются несостоятельность и фальсифицированный характер обвинений публичного судебного процесса над членами «Союзного Бюро социал-демократов-меньшевиков» (1—9 марта 1931 года). По этому делу были осуждены (на сроки от трех до десяти лет лишения свободы) 14 человек: член президиума Госплана В. Г. Громан, члены правления Госбанка СССР Б. М. Берлацкий и В. В. Шер, известный экономист и публицист Н. Н. Суханов, ответственные работники Наркомторга СССР М. И. Тейтельбаум и М. П. Якубович, экономисты А. М. Гинзбург, И. Г. Волков, Л. Б. Залкинд и А. Л. Соколовский, бухгалтер К. Г. Петунин, профессора политэкономии А. Ю. Финн-Енотаевский и И. И. Рубин, журналист В. К. Иков. Все они признали себя виновными во вредительстве, подготовке интервенции и тяжких экономических преступлениях (представление ложных обзоров по народному хозяйству, срыв планов и темпов индустриализации и кредитной реформы, сокрытие средств потребительской кооперации, недоснабжение рабочих товарами и др.). Вместе с тем внимательное изучение материалов судебного процесса, соотнесение их с анализом состояния антисоветских сил внутри страны и в эмиграции убеждает, что признательные показания обвиняемых далеки от достоверности. Расходятся они и со многими очевидными, установленными историческими фактами. Солидаризуясь с подобными выводами о процессе, хотелось бы дополнить их как некоторыми аргументами, деталями, так и оценками этого судебного спектакля самими меньшевиками.

Глубокие сомнения вызывают, прежде всего, «интервенционистские» намерения подсудимых. Ведь из многочисленных меньшевистских документов хорошо известно, что все течения и руководящие центры меньшевизма (включая правое крыло) были в те годы противниками антисоветской интервенции. Об этом писали, к примеру, Ф. И. Дан — в заявлении Заграничной делегации (официального эмигрантского центра) РСДРП от 28 февраля 1931 года² и А. Н. Потресов — на страницах правоменьшевистского органа «Записки социал-демократа»³. Эмигрантский партийный центр меньшевиков не только выразил крайне негативное отношение к вредительству и антисоветскому саботажу, но и выступал противником «насильственного свержения большевистской диктатуры»⁴. Тезисы РСДРП по национальному вопросу (апрель 1929) призывали рабочих всех наций СССР отказаться от поддержки сепаратистских тенденций, чтобы избежать опасности гражданской войны и империалистической интервенции. При активном участии меньшевиков Исполком РСИ (Социнтерна) принял в мае 1930 года резолюцию, которая обязывала все партии социалистического Интернационала избегать действий, которые вели бы к «хозяйственной дезорганизации», гражданской войне и к интервенции против СССР⁵. Таковую позицию меньшевизма обусловили опасения, что объединение с силами контрреволюции могло бы способствовать установлению в СССР крайне реакционного режима, исключавшего последующую демократизацию страны.

Трудно поверить в сам факт принадлежности большинства подсудимых (на момент их ареста) к партии меньшевиков. По свидетельству «Социалистического Вестника» (центрального органа меньшевиков), членом РСДРП оставался к началу 30-х гг. лишь один В. К. Иков. Другие обвиняемые либо

вышли из рядов партии 10 и более лет назад, либо (двое из 14) никогда в ней не состояли⁶. Служащий одного из московских издательств В. К. Иков действительно поддерживал связь с берлинским центром РСДРП. По мнению историков Е. Елфимова и Ю. Щетинова⁷, он в 1928—1929 годах возглавлял остатки меньшевистского подполья. Однако, по словам самих меньшевиков, обвиняемые в принадлежности к «Союзному Бюро» не имели отношения ни к подполью, ни к деятельности В. К. Икова, а представляли собою «совершенно искусственно составленный мнимый коллектив из 14 людей...»⁸ Столь же решительно опротестовала меньшевистская эмиграция и признания Икова о получении им от Заграничной Делегации РСДРП директив о «вредительстве» и «подготовке интервенции». Аналогичное заявление сделали меньшевики, отбывавшие в СССР ссылку или тюремное заключение. Назвав В. К. Икова клеветником, они требовали пересмотра антименьшевистского процесса 1931 года. Вскоре и В. К. Иков заявил органам ГПУ о ложном характере собственных показаний и ходатайствовал о пересмотре дела «Союзного Бюро». За свое поведение на судебном процессе он был исключен из РСДРП⁹.

Новые сведения о характере мартовского (1931) политического процесса дает обращение историков Е. Елфимова и Ю. Щетинова к хранящемуся в архиве заявлению (от 5 мая 1967) М. П. Якубовича на имя Генерального прокурора СССР. Эти авторы познакомили читателей «Политического образования» с той частью текста документа, которая была опущена в публикации Р. А. Медведева (Знамя. 1989. № 2), поскольку, очевидно, не вписывалась в концепцию автора. М. П. Якубович подтвердил, что из подсудимых только В. К. Иков сохранил связь с меньшевистским партийным центром и его организацией. Однако категорически отрицал существование меньшевистского «Союзного Бюро». «Следователи ОГПУ, — писал М. П. Якубович, — и не стремились ни в какой мере вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию кого-либо из обвиняемых. У них была готовая схема вредительской организации...»¹⁰ В заявлении рассказывалось и о методах «извлечения признаний». «После покушения на самоубийство меня уже больше не били, — вспоминал Якубович, — но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все на свете все равно... В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания...»¹¹

Обвинительное заключение по делу «Союзного Бюро» составлялось в духе насаждавшейся А. Я. Вышинским пресловутой теории «царицы доказательства» и строилось на самопризнаниях будущих подсудимых. Настораживает, однако, что главные показания были даны ими лишь накануне процесса — с 14 по 22 февраля 1931 года — после длительного пребывания в следственном изоляторе ОГПУ. Уже 21 февраля, т. е. еще до окончания допросов, советское телеграфное агентство сообщило об окончании следствия. На следующий день эта информация была перепечатана зарубежной прессой¹². Текст обвинительного заключения появился в московских газетах 27 февраля, а уже 1 марта начался судебный процесс. Такая «хронология» ведения дела тоже наводит на размышления о «беспристрастности» и «тщательности» расследования.

Одним из основных «доказательств» обвинения подсудимых в связях с меньшевистской эмиграцией стали показания В. В. Шера, В. Г. Громана и Л. Б. Залкинда о получении ими в 1928—1931 годах 280 тыс. руб. (560 тыс. марок) от Заграничной Делегации РСДРП, которая, в свою очередь, финансировалась («для вредительской работы в СССР») германской социал-демократией. По свидетельству Громана, деньги пересылались «Союзному Бюро» Ф. И. Даном и Ф. А. Абрамовичем, получавшими их якобы через Г. Гильфердинга. В. В. Шер подробно рассказывал суду о приезде Р. А. Абрамовича (летом 1928) в Москву, общая, с кем говорил, где обедал и ночевал меньшевистский лидер. Однако сам Абрамович сразу же выступил с опровержением этих показаний, заявив, что не был в СССР с ноября 1920 года¹³. Вскоре он направил телеграмму протеста председателю Специального судебного присутствия Н. М. Швернику, государственному обвинителю Н. В. Крыленко и защитникам — И. Д. Брауде и Н. В. Коммодову¹⁴. В ней просил огласить на процессе его заявление (сделанное под присягой и заверенное в германском суде) о невинности обвиняемых. Одновременно Р. А. Абрамович сообщил, что может документально доказать свое пребывание в одном из пансионов Мекленбурга (с 26.06 по 26.07. 1928), а затем (август 1928) — на заседаниях Международного социалистического Конгресса и органов РСИ в Брюсселе. 28 февраля 1931 года ЦК СДПГ и Ру-

дольф Гильфердинг отвергли приписываемое им оказание денежной помощи российской социал-демократии. Заграничная Делегация (ЗД) РСДРП, выступив с аналогичным заявлением, изъявила готовность детально ознакомиться Социнтерн с приходной и расходной частью своего подлинного бюджета¹⁵. В пользу непричастности последней к финансированию мнимого «Союзного Бюро» свидетельствует и незнание в меньшевистском эмигрантском центре адресов многих подсудимых. К примеру, Л. О. Дан, жена лидера ЗД РСДРП, интересовалась в письме к Е. Д. Кусковой от 8 января 1931 года адресом Н. Н. Суханова и личностью жены В. Г. Громана, чтобы выслать родственникам осужденных посылки¹⁶. Неясно, кроме того, на какие цели тратились «выявленные» следствием фантастические суммы — 480 тыс. руб. (вместе с деньгами, полученными якобы и от Промышленной партии). Ведь в материалах судебного процесса нет доказательств ни о существовании местных организаций «Союзного Бюро», ни о его издательской, как, впрочем, и другой деятельности. Не прояснил этого вопроса и Ем. Ярославский, выступивший 26 февраля 1931 года в Обществе старых большевиков с докладом о будущем процессе. Он ограничился лишь оценками меньшевизма как антисоветской силы¹⁷.

Уместно заметить, что и органы ГПУ считали конец 20-х — начало 30-х годов временем полного распада меньшевистского подполья. В 1928 году через Особое совещание ОГПУ прошло лишь 17 дел (на 19 человек) меньшевиков. В его справке отмечалось, что партии эсеров и меньшевиков в СССР «окончательно сошли с политического горизонта, оставшись исключительно эмигрантскими группами»¹⁸. Меншевистская печать, которая настойчиво повторяла, что чекисты арестовали «не тех», проморгав истинное социал-демократическое подполье, тоже не привела (в отличие, к примеру, от 1921—1925 годов) ни одного факта о деятельности своих организаций в СССР. Эмигрантские центры меньшевизма занимались к тому времени преимущественно пропагандистской работой, литературно-публицистической критикой «большевистской диктатуры». Этим же целям, очевидно, в основном служили и сохранившиеся ниточки связей берлинского центра РСДРП с меньшевиками и сочувствовавшими им в СССР.

Обвиняемые по делу «Союзного Бюро», вероятно, были противниками курса И. В. Сталина и его окружения. Они имели определенные убеждения и, возможно, разногласия с большевиками. Скорее всего, не делали тайны из своих оппозиционных взглядов. Во всяком случае, говорили об этом между собой, встречаясь у Н. Н. Суханова и Н. В. Вольского (Валентинова)¹⁹. Однако весьма маловероятна их роль в организации нелегального партийного центра. Организация в марте 1931 года антименьшевистского судебно-политического спектакля скорее всего преследовала цель создать на базе единичных достоверных фактов (например, связей Икова с меньшевистской эмиграцией) «правдоподобный» миф о крупной антисоветской подпольной организации. Ее псевдосуществование требовалось тогда для политического воздействия на массы, сгущения в стране атмосферы подозрительности и недоверия, для обоснования необходимости «закручивания гаек», оправдания «вредительством» хозяйственных трудностей и свертывания демократических начал в жизни общества. Пожалуй, не столь далек от истины был и лидер меньшевиков Ф. И. Дан, когда писал, что подсудимые вынуждены играть роль тех мальчиков, которых бьют за Рыкова, Бухарина, Томского, за всю большевистскую «старую гвардию», которая неразрывно связала себя с нэпом и не может принять авантюристической «генеральной линии»... Еето... и имеют в виду, когда обрушиваются на Громана, Суханова и их товарищей по беде!»²⁰

Сегодня пришла пора беспристрастно и объективно разобраться в обстоятельствах политического процесса 1—9 марта 1931 года. Ведь «не отбросив всей полуджи... нельзя войти в науку, нельзя дойти до целой истины». Так считал А. И. Герцен. И с мнением его трудно не согласиться.

¹ См.: Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка: Публицистические заметки. М., 1989; Елфимов Е., Щетников Ю. Три процесса над старой интеллигенцией (1928—1931 гг.) // Политическое образование. 1989. № 16.

² См.: Социалистический вестник. Приложение. 1931. 5 марта. С. 4.

³ См.: Записки социал-демократа. 1931. № 2.

⁴ Vorwärts. 1931. 28 Febr.

⁵ См.: Социалистический вестник. 1930. № 10. 30 мая.

⁶ Там же. 1934. № 8. С. 16.

⁷ См.: Политическое образование. 1989. № 16. С. 73.

⁸ Социалистический вестник. Приложение. 1931. 5 марта. С. 4.

⁹ Там же. 1934. № 8. С. 16.

¹⁰ Политическое образование. 1989. № 16. С. 74.

¹¹ Там же.

¹² См.: Abend. 1931. 3. März.

¹³ См.: Vorwärts. 1931. 27. Febr.

¹⁴ Полный текст см.: Социалистический вестник. Приложение. 1931. 5 марта. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. 5865, оп. 1, д. 156, л. 11.

¹⁷ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 89, оп. 5, д. 2, л. 2—52.

¹⁸ Политическое образование. 1989. № 16. С. 72.

¹⁹ В письмах к Е. Д. Кусковой (эмигрантского периода) Н. В. Вольский сообщал, что знал о взглядах осужденных, но не ожидал их покаяния «с таким унижением» (ЦГАОР СССР. Ф. 5865, оп. 1, д. 113, л. 29 об).

²⁰ Vorwärts. 1931. 28. Febr.

С. И. ФИЛИППЕНКО

ГЕРМАНИЯ И ПРОБЛЕМА РЕОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

Седьмая Чрезвычайная сессия Лиги наций в Женеве (март 1926 года) не разрешила вопрос о германском вступлении в Лигу. Однако это не было воспринято как полный провал данного направления внешней политики Веймарской республики. С одной стороны, члены Совета Лиги наций согласились с германским предложением о создании особой комиссии по изучению вопроса о расширении Совета Лиги наций, с другой — правильность германской позиции в Женеве была в целом признана официальными кругами страны.

После Женевы руководители западных стран отдавали себе отчет в том, что отказ Германии от вступления в Лигу наций может явиться крахом договора Локарно. Поэтому уже 27 марта министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен попросил информировать немецкое посольство о том, что участие Германии в работе особой комиссии будет осуществляться на равных правах с другими членами, несмотря на то что она не входит в Лигу¹.

31 марта германский кабинет принял решение участвовать в работе комиссии. Германская дипломатия стремилась, в первую очередь, обеспечить своей стране постоянное место в Совете Лиги и энергично выступала против предоставления аналогичных мест Бразилии и Испании, а Польше — даже непостоянного места.

В целях достижения соглашения с Англией и Германией Франция предложила свой проект реформы Совета. Он предусматривал увеличить количество членов Совета с 10 до 20, из них 11 — с решающим голосом, 9 — с совещательным. Причем право решающего голоса постоянно должно было принадлежать пяти великим державам. Остальные страны могли получать это право только попеременно². Разумеется, такой проект не мог получить одобрения большинства стран-участниц комиссии, и Франция была вынуждена от него отказаться.

Работа особой комиссии проходила в Женеве с 10 по 17 мая 1926 года. Кроме стран-членов Совета, в ней участвовали также представители Польши, Китая, Швейцарии, Аргентины и Германии. В германскую делегацию входил посол Германии в Париже Л. Геш и заведующий правовым отделом МИД Ф. Гаус. К началу работы комиссии представитель Франции Поль Бонкур вновь информировал германскую сторону о том, что Франция, как и прежде, будет стремиться к предоставлению Польше постоянного места в Совете³.

11 мая представитель Англии Р. Сесиль предложил свой проект реформы Совета, предусматривая постоянное место Германии в Совете. План включал в себя: увеличение числа непостоянных членов Совета с шести до девяти; создание категории так называемых «полупостоянных членов» путем переизбрания трех непостоянных членов на новый трехлетний срок; считать переизбранным члена, получившего на сессии Лиги наций не менее двух третей голосов; избирать на сентябрьской сессии трех непостоянных членов на три года, трех — на два, трех — на один год⁴.

Большинство стран в целом одобрили этот проект, однако так как он не предусматривал значительного увеличения количества постоянных мест в